

Алексей Регин

Кафе, которое ВИДНО ТОЛЬКО В ДОЖДЬ

Алексей Репин

Кафе, которое видно

ТОЛЬКО В ДОЖДЬ

<https://litres.ru/74575009>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они жили в одном городе, ходили по одним улицам и ни разу не встретились — пока случай не столкнул их в самый неподходящий момент. Между ними — чужие обещания, чужие ожидания и страх снова ошибиться. Но чем ближе они становятся, тем яснее понимают: иногда самое правильное решение рождается из самой большой ошибки. Трогательная история о том, как два одиночества находят друг друга там, где никто не искал.

Алексей Репин

Кафе, которое видно ТОЛЬКО В ДОЖДЬ

КАФЕ, КОТОРОЕ ВИДНО ТОЛЬКО В ДОЖДЬ

Роман

Репин А.В

Часть первая. ДОЖДЬ

Глава 1. Капля времени

Марина знала этот город наизусть, но каждый день он подкидывал ей новую загадку. Сегодня её кофейня стояла в узком проулке между старой прачечной и книжным магазином с витриной, заставленной жестяными банками вместо цветов. Вывеска «Капля» покачивалась на ветру, будто сомневалась, стоит ли вообще висеть.

Она протирала стойку, стараясь не смотреть на часы. В этом кафе время вело себя странно: минуты тянулись, как густой сироп, а потом вдруг срывались в галоп. И ещё одна особенность — её почти никто не замечал. Прохожие прохо-

дили сквозь дверной проём, будто его не было. Только когда начинался дождь, город будто приоткрывал завесу, и люди вдруг видели вывеску, запах кофе, её саму.

Марина уже привыкла к этой невидимости. Почти. Иногда ей казалось, что она — как отражение в мокром асфальте: есть, но только если пойдёт дождь.

Она не помнила, как здесь оказалась. Однажды утром проснулась за стойкой, в фартуке, с тряпкой в руке, и всё было как есть: кофемашина, чашки, сахарница с отколотым краем, цветок на подоконнике, который упрямо не хотел жить. Она не испугалась. Как будто так и должно было быть. Может, до этого была другая жизнь — с квартирой, будильником, маршруткой, коллегами, чьих лиц она не могла вспомнить. А потом город решил, что ей место здесь, и просто перенёс её, как переставляют чашку с края стола на середину.

День тянулся сухо и ярко. Марина переставляла чашки, меняла фильтр, поливала цветок, разговаривала с ним:

— Ну давай, ну хоть один листик. Хоть намёк на жизнь.

Цветок молчал. Как и всё вокруг.

К пяти небо наконец потемнело, и первые капли ударили по стеклу, как робкие вопросы. И почти сразу дверь открылась.

Он вошёл так, будто точно знал, куда идёт: не озираясь, не спотыкаясь о порог. На куртке блестели капли, а в глазах было что-то знакомое — будто они уже встречались в каком-то сне, который оба забыли, но помнили ощущение.

— Наконец-то я тебя нашёл, — сказал он спокойно, будто это была самая обычная фраза, вроде «можно латте?»

Марина замерла с полотенцем в руках.

— Ты... видишь кафе?

— Вижу. И тебя. И даже этот упрямый цветок.

Она рассмеялась, сама не зная почему. То ли от облегчения, то ли от того, как легко он это сказал. Будто она не была невидимой баристой в перемещающемся кафе, а просто знакомой, которую давно не видели.

— Тогда садись. И расскажи, как ты меня нашёл.

Он сел у окна, где капли рисовали на стекле кривые ли-

нии, словно чьи-то торопливые письма.

— Я его перемещаю, — сказал он, будто речь шла о чём-то будничном, вроде перестановки мебели. — Кафе. Каждый день оно появляется там, где ты должна встретить кого-то важного. Или услышать что-то важное. А дождь — это как сигнал: «сейчас можно».

Марина нахмурилась, пытаясь удержать реальность за край стола.

— То есть это не случайность? Не просто странное место?

— Не случайность. Но и не приказ. Скорее... подсказка города. Он знает, кому нужно встретиться, и даёт им место. А я просто... помогаю ему переставлять.

— Зачем?

Он помолчал. Посмотрел на дождь за окном, и в его взгляде мелькнуло что-то, что не было ни грустью, ни весельем — скорее, узнаванием.

— Потому что я сам когда-то был таким кафе. Меня тоже никто не видел, пока не пошёл дождь.

Марина поставила перед ним чашку. Он обхватил её ладонями, и пар поднялся, как тихий разговор, который они ещё не начали.

— А если дождя не будет долго?

Он посмотрел на неё прямо, без уклончивости:

— Тогда мы придумаем другой способ быть видимыми друг для друга.

В этот момент Марина поняла: самое волшебное в этом кафе — не то, что оно исчезает и появляется. А то, что сегодня, в этом проулке, под этим дождём, кто-то её наконец увидел. Не как тень, не как отражение, а как человека, который стоит вот здесь, с тряпкой и чашкой, и ждёт.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Артём.

— Марина.

Они улыбнулись друг другу, и это было странно и просто одновременно, будто они подписали договор, условия которого оба знали наизусть.

Дождь стучал по крыше, как метроном, отмеряя время, которое принадлежало только им.

Глава 2. Язык дождя

На следующий день кафе оказалось у набережной, между старым фонарём, который не горел, и киоском с мороженым, закрытым на замок. Марина вышла из подсобки и обнаружила, что за окном — река. Вчера был проулок, сегодня — набережная. Она даже не удивилась.

Она налила себе кофе, села у окна и стала ждать. Солнце светило ярко, и кафе было невидимым: люди проходили мимо, не замечая вывески, не чувствуя запаха. Марина смотрела на реку и думала об Артёме. О том, как он сказал «наконец-то» — будто искал долго. О том, как он держал чашку — осторожно, как что-то, что может исчезнуть.

К трём небо затянуло, и первые капли упали на воду, оставив круги, похожие на расходящиеся слова. И почти сразу дверь открылась.

— Привет, — сказал Артём, будто они расстались пять минут назад, а не сутки.

— Привет. Ты нашёл меня.

— Я всегда нахожу. Город подсказывает.

Он сел на тот же стул — у окна, спиной к двери. Марина заметила, что он принёс с собой блокнот и карандаш.

— Я подумал, — сказал он, — что нам нужен язык. Пока есть только дождь. Но дождь — это слишком общий. Ты не знаешь, когда я приду, я не знаю, что ты думаешь, пока меня нет. Давай изобретём знаки.

— Какие?

— Вот смотри. — Он нарисовал на салфетке круг. — Это «я тут». Если ты видишь круг, значит, кафе на месте, всё в порядке.

Потом нарисовал волнистую линию. — Это «я думаю о тебе». Не обязательно дождь. Просто — между делом.

Потом стрелку вверх. — Это «жди, я приду».

Марина смотрела на салфетку, и ей было тепло. Не от кофе — от того, что кто-то придумывает для неё язык. Как будто она стояла того, чтобы придумывать.

— А я? — спросила она. — Что я могу нарисовать?

— Всё, что хочешь. Главное — чтобы мы оба понимали.

Она взяла карандаш и нарисовала чашку. Кружок с ручкой и паром.

— Это «я налила тебе кофе». Значит, приходи.

Артём улыбнулся.

— Вот. Это уже наш язык.

Он оторвал салфетку, аккуратно сложил и положил в карман.

— Я буду носить с собой. Чтобы помнить.

Марина проводила его взглядом, когда он уходил. Дождь стих, кафе начало таять, и она поймала себя на мысли: она больше не боится ясных дней. Потому что теперь у неё есть круг, волнистая линия и стрелка вверх. И чашка. И всё это — больше, чем просто салфетка.

Глава 3. Город как карта

Через неделю Марина научилась читать город.

Она не знала, куда кафе переедет утром, но к вечеру всегда находила его — по знакам. Если на улице пахло хлебом, значит, кафе где-то рядом с пекарней. Если старый фонарь мигал три раза — это был сигнал: «ты на верном пути». А если бродячий кот сидел на пороге и смотрел в одну точку — значит, кафе стояло именно там.

Артём приходил каждый день, когда шёл дождь. Иногда — мелкий, почти невидимый, как дыхание. Иногда — ливень, от которого дрожали стёкла. И каждый раз он садился у окна, и они говорили. О чём? О городе, который прячет кафе. О людях, которые проходят мимо и не видят. О том, что невидимость — это не проклятие, а просто другая форма присутствия. Ты есть, но тебя нельзя потрогать. Как запах. Как воспоминание.

Артём рассказал, что он был кафе раньше. Не в буквальном смысле — он был человеком, но таким, которого никто не замечал. Он ходил по городу, разговаривал, смеялся, плакал — и его не видели. Как будто он был сном, который снился только ему самому.

— А потом однажды пошёл дождь, — сказал он, — и ме-

ня увидела одна женщина. Старая, с зонтиком. Она посмотрела на меня и сказала: «Ты тоже здесь?» — и я понял, что я есть. Что я не придуман. Она зашла в кафе — первое кафе, которое я «переместил», даже не зная, что это делаю. И с тех пор я стал тем, кто перемещает. А не тем, кого перемещают.

— А та женщина? — спросила Марина.

— Она умерла. Но кафе осталось. И я остался. И город продолжил подсказывать.

Марина молчала, стараясь уложить это внутри, как укладываешь книги на полку — аккуратно, по одной.

— Значит, я тоже была невидимой?

— Ты была тем, кого город решил показать. Не мне решать, кому быть видимым. Но... мне кажется, я ждал именно тебя.

Он сказал это без пафоса, без драмы. Просто факт. Как «сегодня четверг» или «кофе остыл».

И Марина почувствовала, как что-то тёплое и тихое поднялось в груди — не любовь, не ещё, но предчувствие любви. Как запах дождя, который ещё не начался.

Глава 4. Записки в книгах

Между встречами они оставляли друг другу послания.

Артём клал записки в книги, которые стояли на полке у окна. Марина сначала не заметила полку: три ряда старых книг, потрёпанных, с выцветшими корешками. Она не знала, откуда они взялись. Может, кафе само их приносило.

Однажды, протирая полку, она вынула томик стихов — _random, без автора на обложке — и из него выпал листок.

«Сегодня я шёл по улице Садовой и увидел старика, который играл на скрипке. Он играл так, будто nobody не слушал. Но я слушал. И думал о тебе. Не знаю, почему. Может, потому что ты тоже делаешь кофе так, будто nobody не придёт. Но я прихожу. — А.»

Марина перечитала трижды. Потом спрятала обратно в книгу, но не в ту же — в другую, чтобы он искал.

На следующий день Артём нашёл её ответ.

«Я тоже видела старика. Но не на Садовой, а у вокзала. Он играл что-то без названия, и люди бросали монеты, не глядя.

А я хотела, чтобы кто-то посмотрел. Просто посмотрел. Ты — смотришь. — М.»

И так пошло. Каждый день — записка. Короткие, на три-четыре строки, но такие плотные, что каждый раз Марина чувствовала: он пишет не слова, а воздух. Тот самый воздух, который между ними, когда они сидят у окна и молчат.

Иногда он рисовал. Один раз — её профиль, как он видел его через стекло: нос чуть вздёрнут, прядь волос, падающая на глаза. Под рисунком — волнистая линия: «я думаю о тебе».

Она в ответ нарисовала его руки — те, что держали чашку. Осторожно, с чуть согнутыми пальцами, будто чашка могла ускользнуть.

Они коллекционировали детали друг друга. Не целиком — по частям. Его улыбка, её голос, его руки, её смех. Как mosaic, которую собирают не глядя на коробку: просто подбирая кусочки по чуть-чуть, на ощупь.

Глава 5. Сухая неделя

Потом пришла засуха.

Семь дней без единой капли. Солнце жгло так, что асфальт дрожал, и город казался нарисованным на пергаменте — выцветшим, плоским, без тени.

Кафе не исчезало, но стало совсем невидимым. Марина стояла за стойкой и смотрела, как люди проходят сквозь стену, не замечая ни её, ни кофе, ни вывески. Она чувствовала себя призраком, который забыл, зачем haunting.

Артём не приходил. Не мог. Без дождя связь рвалась — не резко, а тихо, как нить, которую перетирают постепенно. Она знала, что он существует, но не могла его услышать. Как будто он уехал в другой город, где тоже светило солнце, но не было кафе.

На третий день Марина попробовала выйти из кафе. Она прошла три шага и поняла, что улица не держит её: асфальт был как стекло, и она скользила, будто в роликовых коньках. Кафе было не только домом — оно было якорем. Без него она не могла ходить по городу.

На пятый день она написала ему письмо. Не записку — длинное, настоящее, на двух страницах, которые нашла в подсобке под стойкой с сиропами.

«Артём.

Я не знаю, дочитаешь ли ты. Я не знаю, как передать тебе это письмо — без дождя записки не работают. Но я пишу, потому что молчание тяжелее.

Ты однажды сказал: «мы придумаем другой способ быть видимыми». Я всё думала — какой? Не придумала. Может, потому что способ не придумывается. Может, он просто находится. Как кафе — не выбираешь, где оно стоит, просто идёшь по знакам.

Знаешь, что самое странное? Я раньше не чувствовала себя одинокой. Кафе, кофе, цветок, который не растёт, — этого хватало. А теперь — нет. Потому что теперь я знаю, как это — когда тебя видят. И когда не видят — это уже по-другому. Раньше я не знала, что теряю. Теперь знаю.

Приходи. Не обязательно в дождь. Приходи как сможешь.

М.»

Она положила письмо в книгу — в ту, где были его стихи — и закрыла кафе. Впервые за всё время она не стала протирать стойку и не поговорила с цветком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.